

На правах рукописи

Менжулин Виктор Алексеевич

**БОРЬБА С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ
И ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ВОРОНЕЖСКОМ РЕГИОНЕ
в 1920–1930-е гг.**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Курск – 2024

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»

Научный руководитель доктор исторических наук, профессор Филоненко Татьяна Владимировна.

Официальные оппоненты:

Третьяков Александр Викторович, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», профессор кафедры истории России;

Зверков Евгений Андреевич, кандидат исторических наук, ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин.

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Защита состоится «8» ноября 2024 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 24.2.322.02 ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» по адресу: 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Курского государственного университета: <http://www.kursksu.ru/>

Автореферат разослан «__» _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Абакумова Екатерина Александровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Сложная и болезненная трансформация позднего советского общества 80-х – начала 90-х гг. XX в. привела к утрате наиболее значимых достижений в области детской и молодёжной политики, а также нанесла тяжёлым удар по семейным ценностям. Экономический и социальный кризисы вызвали в современной России серьёзную демографическую проблему, породив вместе с тем многочисленные пороки среди подрастающего поколения. Широкое распространение снова получили такие явления, как беспризорность, сиротство, младенческая смертность. Возникшая в этих условиях потребность в осмыслении исторического опыта преодоления властью и обществом детской беспризорности и безнадзорности, борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, а также сформировавшийся запрос на поиск путей выхода из сложившейся ситуации как нельзя лучше отвечают вызовам настоящего времени. Обращение к историческому прошлому, его анализ позволят избежать допущенных ранее ошибок и выработать действенные методы по преодолению беспризорности, что представляет наряду с научной, несомненно, и практическую ценность.

Результатом осознания на государственном уровне важной роли, которую в современном мире играет детская политика, стало принятие в 2019 г. национального проекта «Демография», направленного на поддержку семей с детьми.

Изучение опыта борьбы с беспризорностью в Воронежском регионе в 1920–1930-е гг. позволяет внести вклад в лучшее понимание происходивших в стране общественных процессов, а также особенностей разработки и реализации социальной политики.

Объектом исследования стала отечественная социальная история и политика, реализовавшаяся в отношении детей и подростков в 1920–1930-е гг.

Предметом изучения является история деятельности органов государственной власти и советской общественности по преодолению беспризорности, безнадзорности и детской преступности в Воронежском регионе и её результаты.

Степень изученности темы. Историографию детской беспризорности и подростковой преступности, по-прежнему остающихся актуальной проблемой для изучения, условно можно разделить на два больших этапа: советский и современный. В разное время данная тематика вызывала повышенный интерес со стороны историков, педагогов, социологов, культурологов, юристов, медиков.

В начале XXI в. в отечественной исторической науке сложилась традиция подразделять советский этап на несколько периодов: 1920-е – начало 1930-х гг.;

середина 1930-х – первая половина 1950-х гг.; середина 1950-х – первая половина 1980-х гг.¹

Изучение данного вопроса началось ещё в 1920-е гг. Появившиеся работы отражали практическую сторону деятельности тех, кто занимался ликвидацией беспризорности. Предлагаемые в литературе методы борьбы с рассматриваемым явлением применялись на практике.

В первой половине 1920-х гг. выходят книги врача Л.М. Василевского и юриста П.И. Люблинского. В них исследователи пытались дать определение понятию «беспризорность». П.И. Люблинский выделял разные виды беспризорности в зависимости от факторов, её порождающих². Л.М. Василевский определял беспризорность как сумму неблагоприятных для развития ребёнка условий³. Кроме того, оба автора отражали понимание беспризорности как фактора преступности, поэтому, по утверждению Л.М. Василевского, специально созданные в 1918 г. комиссии по делам несовершеннолетних старались войти в положение малолетнего преступника и не наказывать его.

Большим вкладом в изучение повседневной жизни беспризорного ребёнка стало исследование Маро (М.И. Левитиной) «Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы». Она определяет беспризорного как ребёнка, лишённого сознательного влияния организованной педагогической среды⁴. М.И. Левитина затрагивала и социологические вопросы: о классовом составе, семейном и экономическом положении беспризорных. Она делала вывод, что основной состав беспризорных – дети трудящихся, и тем больше их количество, чем ниже заработок родителей. Автор проанализировала жилищные условия и обстановку жизни беспризорных. Также она описала те «профессии», в которые втягивались несовершеннолетние, попадая в организацию преступного мира на улице. Характерно, что убийцы встречались очень редко, в основном преступления были связаны с воровством. Особое значение исследователь придавала песням беспризорных как отражению их быта.

Аналізу причин детской беспризорности и накопленному опыту работы с этой группой детей была посвящена работа Е.С. Лившиц «Социальные корни беспризорности». Для оценки причин детской беспризорности ученым использовались материалы в основном о детях-правонарушителях, что видится довольно спорным. Также Е.С. Лившиц утверждала, что причину

¹ См., напр.: Блонский Л.В. Детская беспризорность в СССР периода НЭПа: опыт ликвидации (на материалах Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 5.

² Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). М., 1923. С. 58.

³ Василевский Л.М. Голгофа ребенка. Беспризорность и дети улицы. Л.; М., 1924. 99 с.

⁴ Маро (Левитина М.И.) Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. М.; Л., 1925. 454 с.

беспризорности нужно искать не в индивидуальных свойствах несовершеннолетних, а в социально-экономических факторах⁵.

Довольно подробно освещалась проблема в трудах М.С. Богуславского и С.В. Познышева. Среди трудностей в преодолении беспризорности М.С. Богуславский прежде всего называл тяжелое положение в области воспитания и обучения умственно-отсталых, слепых и глухонемых подростков. Несмотря на то, что их воспитание требовало больших затрат, таких детей всё же пытались привлечь к трудовой деятельности, для них создавались специальные учреждения⁶. С.В. Познышев говорил о невозможности осуществления точного подсчёта количества беспризорных из-за того, что разные ведомства приводили разные цифры. Централизованный учёт не велся, а информация с мест отличалась пестротой и неполнотой. Расхождения объяснялись различным пониманием термина «беспризорность» теми органами, которые передавали данные о количестве бродяжничающих детей⁷. Автор книги предлагал вести учёт несовершеннолетних по выделенным им видам беспризорности.

Помимо работ отдельных авторов, выпускались сборники статей, посвящённые, как правило, отдельным вопросам ликвидации беспризорности и безнадзорности. Одним из основных методов борьбы с этими социальными явлениями государство считало создание сети детских учреждений. В этом контексте заслуживает внимания сборник статей «Наши детские дома и городки». Он включал в себя три статьи, в которых описывался опыт организации работы с воспитанниками разных детских домов. Редактор сборника А.И. Радченко ставил вопрос, что лучше – детдома или городки. По его мнению, целесообразность применения той или иной формы зависела от конкретных условий времени и места. В сельской местности городки обходились дешевле и имели большие трудовые возможности, они должны были состоять из небольших домиков квартирного типа, весь посёлок в целом обслуживался общей кухней, столовой, мастерскими и т. д. Небольшие детские дома правильной было располагать в городах с их жилищной теснотой⁸.

Вопросу беспризорности в целом был посвящен сборник статей «На помощь детям», изданный Комиссией по улучшению жизни детей при ВЦИК⁹.

Работы 1920-х – первой половины 1930-х гг. представляются в целом объективными, поскольку в них открыто говорилось о недостатках проводимой государством политики по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью, которые подробно анализировались для их устранения в будущем. В статьях и брошюрах того времени был накоплен богатый фактический материал, благодаря которому они стали ценным источником для исследований в данной области. Вполне закономерным видится отнесение этих работ и к источникам, и к литературе.

⁵ Лившиц Е.С. Социальные корни беспризорности. М., 1925. 206 с.

⁶ Богуславский М.С. Дети улицы. М., 1927. С. 64–66.

⁷ Познышев С.В. Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М., 1926. С. 10–11.

⁸ Наши детские дома и городки: сб. статей. М., 1926. С. 5–6.

⁹ На помощь детям: общественно-литературный и научный сборник, посвященный вопросам борьбы с детской беспризорностью. М., 1926. 120 с.

После официальных заявлений об успешной ликвидации массовой детской беспризорности в середине 1930-х гг. количество работ, посвящённых данной тематике, резко сократилось, а доступ к архивным материалам оказался значительно затруднён.

Со времён хрущёвской «оттепели» вновь отмечается интерес к данной проблематике. Опять стали возможны публикации в периодической печати¹⁰. Появляются первые защищённые диссертации, посвящённые деятельности партийных, государственных и общественных организаций по ликвидации беспризорности¹¹. Несмотря на наличие по-прежнему существовавших цензурных стеснений, стереотипность бытовавших взглядов о правильности проводимых партией и правительством мероприятий, отсутствие противоречий при описании сложных социальных явлений 1920–1930-х гг., диссертации позволили ввести в научный оборот новые архивные документы.

На рубеже 1980–1990-х гг., в результате вызванных перестройкой изменений, страна вновь столкнулась с детской беспризорностью. Как следствие, опыт её ликвидации и последующей профилактики в ранний советский период оказался необычайно востребованным, что привело к появлению новых работ по данной тематике. Предметом рассмотрения исследователей стали самые разные аспекты борьбы с беспризорностью и безнадзорностью, в том числе связанные с репрессивной политикой государства и деятельностью карательных органов.

На этом фоне выделяются такие исследователи как А.Ю. Рожков¹², В.М. Королёва¹³, Е.М. Балашов¹⁴, С. Гладыш¹⁵ и другие. Освобождение от идеологической предвзятости, снятие цензурных ограничений вкупе с открытостью архивохранилищ способствовали широкому изучению

¹⁰ Гербеев Ю.В. Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в СССР (1917–1935) // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. 1963. № 1. С. 69–72 ; Никитина А.М. Деятельность первого наркома здравоохранения Н.А. Семашко по улучшению жизни детей (по материалам Центрального государственного архива им. Октябрьской революции) // Вопросы охраны материнства и детства. 1965. № 10. С. 77–79.

¹¹ Герасимова Г.Г. Борьба коммунистической партии и советского правительства с детской беспризорностью в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) (на материалах Московской и Ленинградской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. 26 с.; Жукова Л.А. Государственные учреждения и общественные организации в борьбе за ликвидацию детской беспризорности в РСФСР (1917–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 24 с. Справедливости ради отметим, что первая диссертация (правда, в области педагогических наук) по проблеме беспризорности была защищена В.Я. Ионовой в 1950 г. в Омске: Ионов В.Я. Педагогические высказывания Ф.Э. Дзержинского и его борьба с детской беспризорностью в СССР: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск, 1950. 18 с.

¹² Рожков А.Ю. Беспризорники // Родина. 1997. № 9. С. 70–76.

¹³ Королёва В.М. Социально-правовая охрана несовершеннолетних (20–30-е гг.). Ростов н/Д., 1996. 55 с.

¹⁴ Балашов Е.М. Становление советской системы народного образования. Октябрь 1917 – весна 1921 г. (На материалах Петрограда): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992. 15 с. ; Его же. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003. 236 с.

¹⁵ Гладыш С. Дети большой беды. М., 2004. 432 с.

беспризорности на материалах разных регионов, особенно Поволжья, многострадальные губернии которого оказались наиболее охваченными голодом начала 1920-х гг. и на территории которых развернули свою деятельность иностранные благотворительные организации¹⁶.

Серьёзный вклад в исследование темы борьбы с детской непризорностью и безнадзорностью в Советской России и СССР в период 1917–1952 гг. внёс историк А.А. Славко. По данной проблематике им были защищены две научные работы. Так, в кандидатской диссертации им был сделан вывод, что борьба с детской непризорностью к 1927 г. приобрела плановый характер, но при этом были решены далеко не все поставленные задачи. В докторской диссертации исследователь отмечал, что в более поздний период государству удалось добиться поставленных целей в области сокращения количества непризорных и безнадзорных детей. Однако это было достигнуто путём ужесточения методов борьбы с непризорностью, что негативно отразилось на самих же несовершеннолетних.

В трёх монографиях¹⁷, явившихся синтезом диссертаций, А.А. Славко обратился к анализу массовых источников по проблеме, которые позволили ему рассмотреть состав и структуру непризорников как социальной группы. Учёный охарактеризовал существовавшую систему учёта и отчётности по детской непризорности и безнадзорности, воссоздал социальный портрет такого ребенка. По его мнению, несмотря на приложенные усилия, детская непризорность не была ликвидирована полностью. Автор акцентирует внимание на том, что одной из важнейших причин массовой детской непризорности и безнадзорности явилась репрессивная политика государства.

Особо значимой для изучения проблем детства раннего советского периода, позволяющей структурировать основные направления совместных усилий государства и общества в преодолении непризорности, является фундаментальная монография Т.М. Смирновой «Дети Страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни», изданная в 2015 г. В ней главный научный сотрудник Центра социальной истории России ИРИ РАН, используя комплексный подход к источникам, исследовала «болевы́е точки» жизни детей и подростков, а также проследила соответствие провозглашаемой советским государством политики в отношении охраны материнства и детства повседневным реалиям того времени.

Проблема непризорности и безнадзорности в Советской России и СССР 1920–1930-е гг. привлекала внимание ряда зарубежных исследователей. К примеру, в Марбургском университете в Германии под руководством Гётца Хиллига и Зигфрида Вайтца с 1968 г. работала лаборатория «Макаренко-реферат», занимавшаяся изучением педагогического наследия А.С. Макаренко

¹⁶ См., напр., новейшую работу: Никитин А.С. Как квакеры спасали Россию. М., 2020. 408 с.

¹⁷ Славко А.А. Борьба с детской непризорностью и безнадзорностью в Советской России 1917–1952 гг. Сыктывкар, 2009. 419 с.; Его же. Детская непризорность в России в первое десятилетие советской власти. М., 2005. 172 с.; Его же. История непризорного и безнадзорного детства в России: конец 1920-х – начало 1950-х годов. Чебоксары, 2012. 399 с.

и его биографии. Кроме того, З. Вайтц исследовал вопросы детской беспризорности и преступности в СССР¹⁸. Другие зарубежные историки – А.М. Болл¹⁹, Ш. Фицпатрик²⁰, К. Келли²¹, О. Файджес²² – в работах, посвящённых беспризорным детям в СССР в 1918–1930 гг., использовали в качестве источниковой базы материалы и литературу, в силу разных причин недоступные для их российских коллег. В своих трудах они анализировали причины детской беспризорности, изучали образ жизни беспризорников, затрагивали вопросы работы пенитенциарной системы и «перековки» личности подростка с помощью труда, усиления влияния НКВД с середины 1930-х гг. и дискредитации педологии как науки.

Как можно убедиться, историография детской беспризорности и подростковой преступности на современном этапе существенно отличается от предшествующего советского – как по общему количеству публикаций, так и широте тематического охвата. Однако, несмотря на это, а также введение в научный оборот новых источников, многие вопросы продолжают носить дискуссионный характер, а подход к их решению остаётся неоднозначным.

Анализ электронного каталога Российской государственной библиотеки (на основе поиска по ключевому слову «беспризорность») позволил выявить порядка двадцати диссертаций на соискание учёной степени кандидата исторических наук, защищённых в начале XXI века²³. Все работы написаны преимущественно на основе местных материалов и охватывают различные регионы нашей страны: Поволжье, Северо-Запад (Карелия, Ленинград), Центральная Россия (Курск, Пенза), Юг (Ставрополье, Кубань, Северная Осетия), Урал, Сибирь (Иркутск, Красноярский край), Дальний Восток. Две работы, посвящённые преодолению беспризорности в Советской Украине в 1920–1930-е гг., написаны и защищены за пределами современной России²⁴.

Безусловно, количество работ, посвящённых истории детства раннего советского периода (от революции до Великой Отечественной войны), гораздо больше, поскольку тема эта широка и многогранна²⁵. Стойкий интерес,

¹⁸ Weitz S. Geschichte der Jugendverwahrlosung in der Sowjetunion. Band 1–2. Marburg, 1990.

¹⁹ Ball A.M. And Now My Soul is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley, 1996. 335 p.

²⁰ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город. М., 2001. 332 с.

²¹ Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. New Haven ; L., 2007. 714 p.

²² Figs O. The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia. L., 2008. 739 p.

²³ См.: Беспризорность. Результаты поиска [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека. URL: <https://search.rsl.ru/ru/search#ef=1&af=1&vc=07.00.00&q=-беспризорность> (дата обращения: 26.06.2023).

²⁴ Диптан И.И. Деятельность чрезвычайных государственных органов борьбы с детской беспризорностью в Украинской ССР (1919–1932 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1991. 218 с. ; Зинченко А.Г. Детская беспризорность в советской Украине в 20-х – первой половине 30-х годов XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Запорожье, 2000. 20 с.

²⁵ См., напр.: Пашенко Н.В. Проблемы работы с детьми и несовершеннолетней молодежью в первые годы НЭПА: на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. 218 с. ; Федотова А.Ю. Помощь

проявляемый исследователями к ней с начала 2000-х гг., говорит о её востребованности в современной историографии и вместе с тем о попытках прийти к объективному, взвешенному анализу проблемы, освободившись от разного рода идеологических клише.

В то же время следует отметить, что проблемы беспризорности и связанной с ней подростковой преступности на территории Воронежской губернии/области в 1920–1930-е гг. долгое время оставались и по-прежнему остаются вне поля зрения историков, из-за чего региональный аспект темы потребовал детальной разработки, кропотливого изучения и обстоятельного анализа.

Целью диссертации является изучение опыта борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью, а также выявление комплекса мероприятий по их профилактике на территории Воронежского региона в 1920–1930-е гг. со стороны органов государственной власти, общественных организаций и частных лиц. Для достижения поставленной в ходе исследования цели потребовалось решить ряд **задач**:

- установить причины, способствовавшие распространению детской беспризорности и преступности в Воронежском регионе;
- изучить основные аспекты деятельности местного аппарата Детской комиссии по улучшению жизни детей и его результаты;
- выявить формы и способы участия представителей общественности в борьбе с беспризорностью;
- охарактеризовать материальную базу детских учреждений;
- определить роль правоохранительных органов и использованные ими методы в преодолении беспризорности и борьбе с несовершеннолетними преступниками;
- исследовать различные аспекты повседневной жизни воспитанников в детских учреждениях;
- проанализировать направления проводившейся детдомами социализации воспитанников для их последующей интеграции в советское общество.

Хронологические рамки диссертации охватывают период 1921–1938 гг. и совпадают со временем существования Детской комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК и её местного аппарата. В результате Гражданской войны и разразившегося в 1921 г. голода детская беспризорность приобрела угрожающие масштабы, став большой проблемой для молодой советской республики. Только к началу 1920-х гг., после окончательной победы большевиков в гражданском противостоянии, государство смогло высвободить силы, внимание и ресурсы, направив их на решение «детского вопроса». В принятом 31 мая 1935 г. постановлении ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» властями был взят твёрдый курс на окончательное изжитие этих явлений из советской повседневности. Последующие несколько лет местный аппарат Детской комиссии занимался претворением основных правил постановления в жизнь.

голодающему населению ТАССР советскими и иностранными организациями в 1921–1923 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. 235 с. и др.

Обозначенные хронологические рамки позволяют проследить развитие борьбы с беспризорностью и безнадзорностью в нашем регионе, учитывая вместе с тем исторический контекст.

Территориальные рамки исследования соответствуют административным границам последовательно сменявших друг друга Воронежской губернии, Центрально-Чернозёмной (1928–1934) и Воронежской областей.

Источниковой базой исследования стали многочисленные документы, отражающие проблему беспризорности и безнадзорности в стране и регионе и посвящённые преодолению этих явлений. Диссертация базируется на комплексном подходе к источникам. В ней представлены как опубликованные, так и не опубликованные ранее материалы.

Основным видом источников, позволившим раскрыть проблему в полной мере, выступили архивные материалы, сосредоточенные в трёх архивохранилищах: одном федеральном и двух региональных. Так, Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) располагает богатым фондом документов Детской комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК (Р–5207). В нём нашли отражение драматичные сюжеты, посвящённые ситуации начала 1920-х гг. и спасению детей от голодной смерти усилиями уполномоченных Деткомиссии в Воронежской губернии. Благодаря этим материалам удалось выяснить имена первых уполномоченных, стало понятно, когда произошла трансформация института губернских уполномоченных Деткомиссии ВЦИК в её местный аппарат, удалось выявить и проанализировать основные направления деятельности Воронежской Деткомиссии, а также познакомиться с документами о многочисленных проверках детских учреждений региона, проводимых на протяжении 1920–1930-х гг. Интересными были материалы об уровне детской преступности в начале 1930-х гг. и перипетиях, сопровождавших трудоустройство выпускников детдомов на производство и в сельское хозяйство после принятия постановления 31 мая 1935 г.

В фонде ВЦИК (Р–1235) любопытным было дело о попытке выселения в 1921 г. железнодорожных служащих из посёлков при станции Отрожка для последующего размещения в них детской сельскохозяйственной колонии. Фонды Совета министров РСФСР (А–259) и Главного управления мест заключения (Р–4042) содержат материалы о налоговых льготах, распространённых в конце 1920-х гг. на учреждения и мастерские Деткомиссии и общества «Друг детей», о разрешении устройства постоянных лотерей, о совещании в редакции газеты «Комсомольская правда» по освещению опыта борьбы с беспризорностью в СССР и созданию Информбюро. Материалы фондов Наркомата внутренних дел РСФСР (Р–393) и Комиссии ВЦИК по пересмотру и доукомплектованию личного состава милиции (Р–8434) отражают тенденции в решении кадрового вопроса в правоохранительных органах, сотрудникам которых предстояло бороться с подростковой преступностью.

Государственный архив Воронежской области (ГА ВО) располагает целым рядом фондов, представляющих несомненную ценность для проведения данного исследования. Наиболее информативными являются фонды областной

и губернской Детской комиссии по улучшению жизни детей (Р–1417, Р–1418, Р–1419), содержащие в общей сложности 374 дела, размещённых в 8 описях. Здесь представлены материалы об основных аспектах деятельности этого межведомственного учреждения и отчёты о проделанной работе, о мероприятиях по борьбе с беспризорностью и т. д. Ценную информацию удалось почерпнуть также в фондах органов народного образования (Воронежского, Борисоглебского, Острогжского), некоторых органов исполнительной власти – данные по обследованию детдомов, комплектованию их кадрами, организации трудовых колоний, о работе по привлечению общественности, отчёты милиционеров о скоплении беспризорных в разных частях города и звучавшие предложения по искоренению этих явлений.

Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО) позволил через представленные в нём фонды посмотреть на вопрос ликвидации беспризорности со стороны партийных структур. В фондах Губкома РКП (б) и Обкома ВКП (б) отложились материалы по истории беспризорности, её причинах и текущем состоянии, уровне преступности среди несовершеннолетних в 1930-е гг. Различного рода информационные обзоры и аналитические записки, готовившиеся для партийного руководства области начальником НКВД, секретарём облисполкома и другими лицами, отражали реальную картину происходившего, как правило, значительно отличавшуюся от официальной. Также здесь можно познакомиться с выводами рабоче-крестьянской инспекции о результатах работы Деткомиссии и других органов власти по преодолению беспризорности. Фонд губернского комитета ВЛКСМ содержит данные о проверках детских учреждений, участии пионеров и комсомольцев в их повседневной жизни.

Коллекция редких печатных изданий, собранная в одном из фондов, позволила ознакомиться с материалами местных СМИ, на страницах которых публиковался злободневный материал на тему беспризорности и функционирования детских домов. Отраднo, что архив располагает и источниками личного происхождения. Речь, в частности, идёт о написанных в 1970-е гг. рукописных мемуарах ветерана органов внутренних дел Георгия Белозерцева, запечатлевшего в своей памяти помощь детдому в родном селе Шукавке, организованную силами писательницы Е.М. Милицыной в начале 1920-х гг. (Ф. 5297), а также ветерана комсомола Антонины Мазурчук, вспоминавшей опыт сбора беспризорников с городских воронежских улиц из асфальтовых печек, в которые они забирались на ночлег, отправку их в детдома и последующую работу по розыску родных для реэвакуации в деревню (Ф. 289).

Следует отметить, что материалы многих фондов никогда ранее не вводились в научный оборот и не были известны научному сообществу. Изучение хранящихся в них материалов позволяет решить поставленные в ходе диссертационного исследования задачи.

Большим подспорьем для этого стали опубликованные в начале XXI века сборники документов, посвящённые репрессивной политике советского государства. В таких из них, как «ГУЛАГ» (2000) и особенно «Дети ГУЛАГа»

(2002), содержатся многочисленные документы, имевшие некогда гриф «секретно»: о состоянии беспризорности и подростковой преступности, материальной базе и кадровом составе детских учреждений, постановления партии и правительства, приказы НКВД об организации борьбы с беспризорностью, о деятельности созданного в 1935 г. в структуре НКВД Отдела трудовых колоний, о количестве прошедших через приёмники и трудовые колонии за несколько лет подростках, о судьбе детей репрессированных в 1937–1938 гг. родителей и т. д.

Другой используемый сборник документов – «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» (Т. 1. 1918–1922), отражая работу советских карательных органов, позволил увидеть реальное положение деревни глазами чекистов через составленные ими для своего руководства информационные сводки. Учитывая аграрный характер Воронежской губернии, происходившие события: голод, людоедство, бандитизм, антисоветское настроение крестьянства – находили своё отражение в истории нашего региона, непосредственно влияя на решение «детского вопроса».

Важное место среди опубликованных источников занимают законодательные и нормативные акты, декреты и постановления, регулярно издававшиеся на протяжении всего изучаемого периода. Они содержат значимую информацию о политике государства по ликвидации беспризорности, формированию системы интернатных учреждений для лишённых родительской опеки детей, позволяют проследить становление советской нормативно-правовой базы в области ликвидации детской беспризорности.

Таким образом, привлечение широкого круга источников, их сопоставление, критический анализ позволили всесторонне подойти к изучению проблемы беспризорности, безнадзорности и подростковой преступности и воссоздать объективную картину борьбы с ними.

Методологическая база диссертации представляет собой комплекс разных подходов, принципов и методов. Так, многофакторный подход позволил рассматривать беспризорность и безнадзорность в качестве сложных социальных явлений, вызванных рядом взаимосвязанных социально-экономических, политических, демографических факторов. Поскольку проблема беспризорности является объектом исследования для учёных из разных областей науки, нами был применён междисциплинарный подход. Это дало возможность использовать идеи не только историков, но и педагогов, психологов, юристов. Принципы историзма и объективности позволили беспристрастно проанализировать имеющиеся в историографии оценки проводимых властью и силами обществом политики по ликвидации детской беспризорности. Принцип системности позволил увидеть в детских учреждениях Воронежского региона часть общей системы советских детских учреждений с присущими им всем характерными особенностями. Принцип всесторонности предполагал рассмотрение всей информации о направлениях деятельности, нормативном регулировании, эволюционном развитии государственной политики в отношении детей и подростков с учётом анализа происходящих в стране в данный период социально-экономических и

политических процессов. Принцип комплексного подхода в исследовании повлек не только отбор источников и их критический анализ, но и сравнение, накопление и обобщение полученных результатов. Использование историко-генетического метода дало возможность исследовать и определить основные этапы деятельности воронежской Детской комиссии по улучшению жизни детей в изучаемый временной период, а также условия функционирования детских учреждений закрытого типа. Общенаучные методы анализа и синтеза способствовали отбору, накоплению и обобщению исторического материала.

Научная новизна исследования определяется неизученностью проблемы. Содержание диссертации представляет собой первое полноценное и комплексное изучение опыта борьбы с беспризорностью на территории Воронежского региона в 1920–1930-е гг. В процессе работы в научный оборот было впервые введено большое количество неопубликованных источников, анализ которых позволил сделать обобщения и расширить научные знания в области отечественной истории.

Выносимые на защиту положения диссертации

1. Воронежская губернская (в дальнейшем – областная) Детская комиссия по улучшению жизни детей (ДТК) в период с 1921 по 1938 гг. была единственным органом в регионе, занимавшимся исключительно вопросами беспризорности и поисками путей её преодоления.

2. Существовавшая сеть детских учреждений ни в 1920-е, ни в 1930-е гг. не удовлетворяла всей имеющейся потребности в размещении детей. Состояние детских домов региона в силу разных причин было неудовлетворительным.

3. Проблема детских учреждений и повседневной жизни их воспитанников носила комплексный характер и не ограничивалась исключительно стенами детского дома. Она требовала участия широкого круга заинтересованных лиц: властей разных уровней, обывателей, представителей общественности, производителей и т. д.

4. Государство стремилось к активному привлечению общественности к решению проблемы детской беспризорности, разработало для неё несколько форм участия, поскольку считало это неотъемлемой частью политики по охране детства.

5. Открытие при детских учреждениях производственных мастерских имело не только воспитательное значение, позволяя приобщать подростков к регулярному труду, но и способствовало выработке у них практических навыков, а также знакомству с рабочими профессиями, благодаря чему выпускники детдомов получали возможность трудоустройства на предприятиях. Выделение земельных участков для нужд детских учреждений, наличие подсобного хозяйства при них позволяло преодолеть дефицит продовольствия и существенно улучшить качество питания воспитанников.

6. Если в 1920-е гг. государство и общество находились в поисках путей преодоления детской беспризорности, то в 1930-е гг., несмотря на сохранение данного общественного явления, ставка делалась на социализацию воспитанников закрытых детских учреждений. Она должна была выступить в качестве последующего социального лифта бывшего детдомовца.

7. Детский вопрос выявил конфликт интересов партийных и советских органов власти в 1930-е гг. Хроническое недофинансирование детских учреждений и, как следствие, их слабая материальная база объяснялись нецелевым расходованием средств со стороны местных властей. Выделяемые государством деньги зачастую направлялись на хозяйственные нужды региона, никакого отношения к детям не имеющие.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в возможности использования её основных положений и выводов для создания как региональных, так и обобщающих трудов по истории повседневности, очерков социальной политики. Результаты диссертации могут стать ценным материалом в ходе разработки лекционных и специальных курсов, предназначенных для студентов гуманитарных и юридических направлений подготовки.

Апробация результатов. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета, были представлены в докладах и выступлениях на научных конференциях «Власть и общество» (ВГУ, г. Воронеж, 2021, 2022 гг.), в материалах Всероссийского научно-практического форума «Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России» (ВГПУ, г. Воронеж, 2021, 2022 гг.).

Результаты исследования представлены в восьми научных статьях, четыре из которых опубликованы в журналах из Перечня ВАК РФ.

Структура работы соответствует задачам и внутренней логике осуществлённого исследования. Диссертация выстроена по проблемно-хронологическому принципу и состоит из введения, трёх разделённых на параграфы глав, заключения, а также списков использованных источников, сокращений и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются объект и предмет, цель и задачи, хронологические и географические рамки работы, оценивается степень изученности темы в историографии, характеризуется источниковая база исследования, его методологическая основа, научная новизна и практическая значимость, формулируются выносимые на защиту основные положения.

В **первой главе «Основные аспекты и направления становления общегосударственной системы по борьбе с детской беспризорностью и подростковой преступностью в Воронежском регионе»** рассматриваются особенности формирования государственного аппарата, направленного на решение проблем детства. В **первом параграфе «Факторы, детерминировавшие беспризорность и подростковую преступность»** характеризуются причины беспризорности и безнадзорности, ставших в изучаемый период времени настоящими социальными катаклизмами – как в

масштабах всей страны, так и отдельного региона. Также предлагается классификация факторов и их эволюция. «Корни беспризорности, – отмечала Н.К. Крупская на конференции по борьбе с детской беспризорностью в марте 1924 г., – были, в общем и целом ясны». В Воронежской губернии, факторы, детерминирующие рост детской беспризорности, чётко коррелировались с общероссийскими – те же экстремальные социально-политические условия, помноженные на дефицит местного бюджета и излишнюю бюрократизированность. К специфическим, пожалуй, можно отнести типичное для аграрной губернии малоземелье, постоянные неурожаи, преобладание бедного, преимущественно многодетного крестьянского населения.

Все указанные факторы следует дополнить особым направлением политики советского государства, в рамках которой приоритет отдавался социальному воспитанию детей, а также строго государственной опеке над ними. Вместе с тем следует понимать, что социальная опека вовсе не означала отстранение семьи от воспитания ребёнка, государство не планировало подменять собою этот институт. Другое дело, что семейные ценности претерпевали со временем необратимые изменения. Наметившийся в Российской империи ещё до 1917 г. кризис семьи, «особенно в условиях роста больших городов и необходимости заработка женщины», отмечали в своих работах педагоги-эмигранты. В годы Гражданской войны и НЭПа кризис советской семьи ещё более усугубился. В этих условиях органы образования прямо призывали «изымать детей из-под её “пагубного влияния”». Фактически речь шла о национализации детей, которых государство планировало уже с младенчества поместить «под благотворное влияние коммунистических детских садов и школ», окончив которые они могли бы «вырасти настоящими коммунистами». Любопытно, что одновременно и в Советской России, и в эмиграции педагоги и общественные деятели отстаивали мнение о предпочтительности воспитания детей в детских домах или коммунах, а не в семьях, даже если они принадлежали к тем социальным группам, которые не вызывали идеологической подозрительности. Обосновывалось это разными причинами, в том числе лучшими санитарно-гигиеническими нормами. Советская же власть смотрела на создание интернатов и приютов преимущественно с прагматической точки зрения: сироты и беспризорники были наиболее приспособлены для того, чтобы сделаться носителями новых идеологических установок.

Во *втором параграфе «Складывание государственной системы по защите и спасению детей, её структура и трансформация»* выявлено, что специализированные органы, реализующие детскую политику советской власти, стали формироваться в Воронежской губернии уже в июне 1918 г. Однако из-за начавшейся Гражданской войны этот процесс проходил сложно. В течение

1920-х – первой половины 1930-х гг. государственные центральные и губернские органы управления в сфере защиты детей, противодействия беспризорности и правонарушениям со стороны подростков всё же смогли оформиться в общую систему. Базовым принципом её организации стала

коллегиальность, которая имела свои преимущества и недостатки. К первым относилась возможность координации деятельности разных учреждений, полного охвата всех проблем обеспечения детей, ко вторым – неизбежная ведомственная разобщённость, конфликты интересов, бюрократизация и нестабильность институциональной структуры, выражавшаяся в непрерывных реорганизациях.

Тяжелая экономическая и социально-политическая ситуация, сначала связанная с преодолением последствий Гражданской войны, разрухи, голода, а затем массовых репрессий, существенно ограничивала возможности органов по делам детей. Кроме того, их множественность, даже при координирующей роли Деткомиссий, порождала дублирование полномочий. В условиях расплытия обязанностей и размытой ответственности ни один наркомат не справлялся со своими задачами, однако фактической ответственности за это никто не нёс.

Третий параграф «Вопросы правового регулирования общественных отношений в сфере социально-правовой охраны несовершеннолетних» позволил прийти к выводу, что формирование системы правового регулирования общественных отношений в сфере социально-правовой охраны несовершеннолетних в Воронежской губернии проходило в русле исполнения законодательных актов и постановлений центральных органов власти. Вместе с тем выявлено, что если в 1920-е гг. губернские власти и общественные организации ещё могли выступать с инициативами и принимать самостоятельные решения, то уже с начала 1930-х гг., принимая во внимание сверхцентрализацию управления, ослабление гражданского общества и регионального управления, находившихся под партийным контролем, формирование особой губернской политики и институциональной среды в сфере социально-правовой охраны несовершеннолетних прекратилось. Губернские органы полностью переключились на исполнение директив Центра, которые поступали как от Деткомиссии, так и от нескольких Наркоматов, их главков и управлений. Нормативные акты губернских органов стали средствами исполнения поступивших сверху директив. В этой ситуации губернская нормативно-правовая основа в рассматриваемой сфере фактически не формировалась.

Вторая глава «Государственные органы и общественная инициатива в поисках путей преодоления беспризорности» посвящена анализу деятельности органов власти, общественных организаций и частных лиц в решении проблемы детской беспризорности и преступности среди несовершеннолетних. В **первом параграфе «Воронежская детская комиссия по улучшению жизни детей: цели учреждения, основные направления деятельности, итоги»** предпринята попытка реконструкции этого межведомственного органа, призванного объединить усилия всех заинтересованных сторон в решении «детского вопроса». Удалось установить точное время создания комиссии и её ликвидации, численный состав, эволюцию поставленных в ходе деятельности задач и выбранных методов их реализации.

Появление в 1921 г. Детской комиссии по улучшению жизни детей именно как межведомственного органа было полностью оправданным, поскольку решение масштабных задач силами какого-либо одного ведомства оказалось невозможно. Создание местного аппарата являлось, безусловно, сильной стороной этого учреждения. Это позволяло быть в курсе всех региональных проблем, вовремя на них реагировать и по возможности оперативно устранять. Более того, Деткомиссия и её региональные подразделения были единственным в стране государственным органом, занимавшимся исключительно вопросами охраны детства. Своим упорством её сотрудники пробивали равнодушные чиновников, побуждали их проявлять инициативу и более ответственно относиться к исполнению обязанностей в отношении детей. Воронежская Деткомиссия – во многом универсальное по своим функциям учреждение, чем только не занимавшееся за полтора десятка лет своего существования. В условиях голода 1921 г. и его последствий сотрудники учреждения сумели спасти от вымирания целое поколение детей, в период НЭПа научились зарабатывать, а впоследствии организовали рентабельное производство; участвовали в жизни детских учреждений, вникая во все детали их организационного устройства и быта воспитанников; с помощью месячников помощи детям привлекали к проблеме внимание общественности и мобилизовывали её на борьбу с беспризорностью.

В Воронежском регионе в череде многочисленных обязанностей Деткомиссии выделяются три основных направления: изыскание средств для преодоления и искоренения беспризорности, оказание материальной помощи детским домам и трудоустройство подростков. В решении насущных вопросов комиссия опиралась не только на государственные органы власти, но и на общественные организации.

Во *втором параграфе «Деятельность советской общественности в решении проблемы детской беспризорности: степень вовлечённости и формы участия»* проанализированы различные аспекты участия общественных организаций и внесённый частными лицами вклад в преодоление беспризорности.

Объявив заботу о ребёнке приоритетной задачей, государство взвалило на свои плечи огромный груз ответственности за судьбу подрастающего поколения. Но очень быстро надорвавшись, оно попыталось разделить его с местными властями, представителями общественности, задействовав для этого широкие слои населения и стимулируя их инициативу.

В решении насущных вопросов многое зависело от конкретного человека, его добропорядочности, инициативы, желания помочь. Так, среди уполномоченных Деткомиссии в Воронежской губернии в начале 1920-х гг. были замечательные люди, неравнодушные, энтузиазм и решительные меры которых позволили спасти от вымирания десятки и сотни воронежских, поволжских и других детей.

Несмотря на красивые лозунги, звучавшие то тут, то там, оказалось, что в жизненных реалиях неблагополучные дети никому не нужны – для государства

они стали обузой, общественность проявляла инициативу лишь формально, да и то «из-под палки», отдельные лица смотрели на беспризорников через призму наживы, а многие хозяйственники и производственники проявляли преступное равнодушие.

Степень вовлечённости общества в преодоление проблемы беспризорности – вопрос весьма непростой. В ходе проведённого исследования удалось убедиться в том, что государство не только не отстранило общественность от решения проблемы, но и разработало для неё несколько форм участия, считая это неотъемлемой частью государственной политики по охране детства. Вместе с тем на протяжении всего рассматриваемого периода власти были вынуждены стимулировать общественность к проявлению инициативы.

Третий параграф «Правоохранительная система в борьбе с беспризорностью и преступностью среди несовершеннолетних» посвящён изучению опыта противодействия милиции, НКВД, прокуратуры распространению подростковой преступности, рекрутировавшей кадры из среды беспризорных и безнадзорных детей.

На протяжении 1920-х гг. борьба с беспризорностью не являлась для НКВД основным направлением деятельности. Обязанности милиционеров заключались главным образом в содействии органам ГубОНО. С самим явлением они, конечно, не боролись. «Интерес» к беспризорникам проявлялся в том случае, когда они переходили в категорию преступников. Тогда их задерживали, изымали с улицы и отправляли в приёмники-распределители. Однако переполненность специальных учреждений (приёмников и детских домов) вынуждала отпускать беспризорных правонарушителей на свободу, что порождало в их среде ощущение безнаказанности, вседозволенности и приводило к рецидивам преступности. Поэтому видятся вполне логичными звучавшие во второй половине 1920-х гг. призывы о необходимости более сурового наказания несовершеннолетних правонарушителей-рецидивистов (предания их суду) и о пресечении практики разного рода поблажек со ссылкой на возраст. Опираясь на свой опыт и многочисленные наблюдения за жизнью беспризорных, милиционеры предлагали практические меры по искоренению этого явления. Зачастую их принимали к сведению.

Сотрудники НКВД готовили для руководства региона аналитический материал, в котором речь шла об истоках беспризорности в тот или иной период времени, характеризовалось её текущее положение, содержалась статистика совершаемых неблагополучными подростками преступлений. Приводимые сведения позволяли чиновникам увидеть реальную картину дела, сделать определённые выводы и выработать меры для искоренения этих негативных и опасных социальных явлений.

К середине 1930-х гг. в деле борьбы с беспризорностью и искоренения преступности среди несовершеннолетних наступил «великий перелом» – были выбраны репрессивные методы. Как результат, расширился круг полномочий НКВД в работе с трудными подростками: в его ведение были переданы приёмные пункты, детские дома и трудовые колонии, ранее находившиеся в компетенции других, гражданских, органов власти. Однако данная деятельность оказалась противоречивой: делая ставку на трудовое

перевоспитание подростков с целью последующего их возвращения в русло повседневной жизни, правоохранители в массе своей оказались неподготовленными к выполнению этой миссии, а неумелыми действиями (бесхозность, равнодушие, увлечённость администрированием) подчас лишь усугубляли ситуацию.

Значение правоохранительных органов в преодолении беспризорности и безнадзорности в Воронежской области отмечали в областной ДТК. «В результате большой работы, проведённой органами НКВД при значительной помощи со стороны облисполкома и облдеткомиссии, детская беспризорность по нашей области дала резкое снижение, – констатировали чиновники в 1936 г., – а по отдельным городам и районам она полностью ликвидирована (Тамбов, Задонск, Моршанск, Борисоглебск). Данное положение заставило НКВД свернуть три детприёмника, сконцентрировав всю свою работу по трём оставшимся точкам – Воронеж, Мичуринск, Елец»²⁶.

Официальные заявления властей разных уровней, в которых победоносно провозглашалось об искоренении к середине 1930-х гг. беспризорности, не соответствовали реалиям советской повседневности. Вместе с тем несомненно, что сотрудники правоохранительных органов внесли свой посильный вклад в минимизацию беспризорности и оздоровление социокультурного пространства в городах Центрально-Чернозёмного региона.

В третьей главе **«Особенности повседневной жизни детских учреждений закрытого типа»** изучаются сюжеты, связанные с пребыванием воспитанников в стенах детских домов, колоний для трудновоспитуемых детей-подростков и с организацией их внутренней жизни. В *первом параграфе «Материальная база детских учреждений: финансовые сметы и реальное положение»* рассматривается вопрос финансового обеспечения детдомов и трудности, с которыми пришлось столкнуться при его реализации. Материальная база большинства детских учреждений Воронежской губернии/области на протяжении 1920–1930-х гг. была слабой, что вызывалось целым комплексом факторов как объективного, так и субъективного характера.

Ахиллесовой пятой всех детских учреждений стало их хроническое недофинансирование, которое в 1920–1930-е гг. стало обычным явлением не только в нашем регионе, но и в целом по стране. Даже в относительно благополучные годы ситуация не претерпевала серьёзных изменений. При этом следует отметить, что природа недофинансирования отличалась в зависимости от периода. В 1930-е гг. ситуация оставалась тяжёлой уже не столько из-за дефицита денег, сколько вследствие нецелевого использования средств на местном уровне. Выделяемые государством деньги для детских учреждений зачастую до них не доходили, поскольку региональные власти направляли эти средства на хозяйственные нужды, к детям отношения никакого не имеющие. Также процветало воровство, растраты, хищения на разных уровнях. В нем был замечен персонал детских домов, а также чиновники отдела образования наряду с партийными работниками. Вместе с тем следует сказать и об

²⁶ ГА ВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 59. Л. 107.

объективных трудностях, когда государство, поставив задачи, не подкрепляло их материально, что имело место, например, после принятия постановления 31 мая 1935 г., по которому все достигшие 14-летнего возраста подростки подлежали выводу из детдомов в обязательном порядке. По утверждённым Наркомпросом нормам, их следовало обеспечить обмундированием и бельём, однако необходимые на это средства не выделялись или это делалось с большим опозданием, что приводило к подрыву материальной базы детдомов, поскольку выводимых предстояло обеспечивать за счёт оставшихся в детдоме воспитанников либо отправлять их в самостоятельную жизнь без необходимого «багажа».

В первой половине 1920-х гг. материальная база воронежских детдомов находилась в плачевном, зачастую катастрофическом состоянии. В это время наблюдался тотальный дефицит всего необходимого. Несмотря на предпринимаемые меры, изменить положение не удавалось. С середины 1920-х гг. стало наблюдаться постепенное улучшение, вызванное осуществлением губернской Деткомиссией коммерческой деятельности в период НЭПа. Однако в 1930-е гг. общая ситуация по-прежнему оставалась тяжёлой. Отсутствие в должном объёме финансирования парализовало деятельность детских учреждений по укреплению их материальной базы. Существование на грани выживания вкупе со смешанным контингентом и применявшимся в отношении детдомовцев насилием приводило к многочисленным побегам и, как следствие, рецидиву беспризорности, которую Н.А. Семашко называл «тёмным пятном на фоне детского воспитания». Очевидно, что это никоим образом не способствовало искоренению данного явления в нашем регионе.

Существовавшая в 1920–1930-е гг. здесь сеть детских учреждений не удовлетворяла всей имеющейся потребности в размещении несовершеннолетних. Также обращает на себя внимание неоднородная, весьма пёстрая картина повседневной жизни воронежских детских учреждений, менявшаяся от дома к дому. Во многом это зависело от пресловутого человеческого фактора: профессионализма работников, их честности, порядочности, энергии, но самое главное – уважения к детям. Там, где это было поставлено на должном уровне, положение детдомов было хорошее, там, где отсутствовало, – наблюдался полный развал, вследствие которого воспитанники испытывали сильную нужду.

Во *втором параграфе «Кадровый состав детских домов: трудности подбора»* в фокусе исследовательского внимания находятся воспитатели, педагоги и руководящий состав детских учреждений. Именно этим людям была поручена работа по изучению и воспитанию детей, оказавшихся без попечения родителей на иждивении государства.

По архивным документам отчётливо видно, что ключевую роль в повседневной жизни детских учреждений играл человеческий фактор, во многом определявший положение их воспитанников. Повторявшиеся побеги детей и даже случаи бунта в целом следует рассматривать как форму протеста против сложившегося в детских домах уклада жизни и методов воспитания. События 1936–1937 гг. в Добринке, к большому сожалению, показали, что

власти не были заинтересованы в детальном разборе ситуации, установлении и наказании ответственных лиц, не извлекали соответствующих уроков, видя лишь случаи проявления хулиганства со стороны трудновоспитуемых детей. Так, конечно, было проще и удобнее.

В массе своей руководящие кадры детдомов по уровню подготовки и образования были достаточно слабыми. Многие из них не справились с возложенной на них задачей, развалив всю организационную и воспитательную работу, пользовались ресурсами детдомов в личных целях и т. д. За это их снимали с должности, делали выговоры по партийной линии, привлекали к ответственности.

Проводимую в разные годы Губ- и ОблОНО кадровую политику в отношении персонала детских учреждений нельзя признать успешной. Вместе с тем чиновники образования в условиях острой нехватки руководящих и педагогических кадров продолжали искать пути выхода из ситуации, осуществляя их постоянную ротацию, замену, желая найти оптимальную кандидатуру, проводили курсы повышения квалификации. Однако в силу ряда объективных и субъективных причин изменить ситуацию в корне не удалось. К концу 1930-х гг. положение с кадрами в воронежских детских учреждениях по-прежнему носило неблагоприятный характер.

Происходившие в стране изменения находили своё отражение в деятельности региональных детских учреждений. Во второй половине 1930-х гг. стала очевидной «засорённость» кадров детдомов Воронежской области классово чуждыми элементами. К концу 1930-х гг., с проведением в стране масштабных репрессий, началась охота не ведьм, когда ответственность за развал работы детских учреждений возлагалась на врагов народа, якобы осуществлявших подрывную деятельность. К их числу относились педагоги-воспитатели, заведующие. Вследствие проведённой чистки произошло обновление руководящего и воспитательно-педагогического состава. Привлечение новых людей должно было способствовать улучшению положения детдомов, однако из-за отсутствия соответствующего опыта у молодых кадров в их деятельности встречались недочёты. Но главным было желание работать, поэтому среди чиновников ОблОНО сложилась практика терпимого отношения к имевшимся изъянам в деятельности.

Отмечая в 1938 г. третью годовщину принятия постановления партии и правительства о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, воронежские власти гордо заявляли: «Состояние детских домов улучшено. Тысячи бывших беспризорных детей, получив воспитание в детских домах, стали активными и сознательными участниками социалистического строительства»²⁷. Вместе с тем с сожалением отмечалось, что основные положения этого постановления «не везде и не всеми работниками детских домов энергично и успешно приводятся в жизнь. <...> В распоряжении детских домов имеется всё нужное для того, чтобы детские дома – один из участков культурного фронта – стали по-настоящему образцовыми. Необходима только

²⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 211.

организация работы, мобилизация внимания и участия всех работников детских домов на ликвидацию недостатков».

Осознавая провалы в кадровой политике, в ОблДТК призывали заведующих «окружить вниманием каждого работника детского дома, который сумеет быстро стать в ряды передовиков» и обеспечить ему «возможность организовать вокруг себя других работников на выполнение постановления партии и правительства от 31 мая 1935 г.»²⁸

В третьем параграфе *«Социализация воспитанников детских учреждений: намеченные цели и достигнутые результаты»* выявлены и проанализированы основные направления по социализации детдомовцев. Полученные воспитанниками знания, умения и навыки должны были способствовать их скорейшей интеграции в советское общество.

Изучение данного тематического сюжета позволило выяснить, что вплотную приступить к воспитанию государственных детей удалось лишь к началу 1930-х гг. Выбранные направления социализации хорошо вписывались в исторический контекст эпохи. Привитие трудовых навыков в ходе профессионального обучения должно было способствовать востребованности бывших детдомовцев на возводимых в ходе индустриализации предприятиях, создаваемых во время коллективизации колхозах и совхозах. Тем более, что уже в 1933 г. власти громогласно заявляли о преодолении «дьявольского отставания» в развитии промышленности от передовых капиталистических стран: «Сейчас не подлежит сомнению, что по целому ряду важнейших отраслей промышленности СССР занял первое место и в то же время стал страной самого крупного земледелия в мире»²⁹.

Учебная, внешкольная и культурно-массовая деятельность отвечала задачам культурной революции и подлинного коммунистического воспитания. Нуждалось государство также в крепких, физически развитых людях, которые смогли бы продолжить дело партии и правительства в построении социализма. Более того, социализация должна была выступить в качестве последующего социального лифта бывшего детдомовца.

В конце 1930-х гг. воронежскими властями отмечалось, что «детские дома имеют все условия для того, чтобы дети в них могли нормально развиваться, жить всеми радостями счастливого детства, обеспеченного победой социализма», а также для того, чтобы «воспитать физически здоровых, всесторонне развитых и преданных делу коммунизма людей». Для подкрепления этих условий правительство выделило в 1938 г. детдомам Воронежской области около 10 млн руб.³⁰

Однако низкая квалификация воспитательно-педагогического персонала детских учреждений, общая засорённость кадров вследствие высокой текучки и регулярных чисток не позволили реализовать эту задачу на практике. Не оправдались надежды на помощь со стороны комсомола, несмотря на в целом достаточно широкий к концу 1930-х гг. охват детдомов пионерскими

²⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 212.

²⁹ ГА ВО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 78. Л. 62.

³⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 222.

организациями. Успешной социализации мешала также слабая материальная база детдомов.

Обучение детдомовцев трудовым навыкам в изучаемый период прошло эволюционный путь. Начинаясь как необходимое условие для улучшения продовольственного обеспечения и в качестве профилактической меры беспризорности, в дальнейшем оно переросло в неотъемлемую часть профессиональной подготовки воспитанников к выпуску в самостоятельную жизнь. Функционирование мастерских при детдомах – тема весьма противоречивая. Хорошая по своей сути идея в силу разных причин не получила в реальной жизни достойного воплощения. Отсутствие квалифицированных педагогов и постоянная нехватка сырья привели лишь к имитации обучения и, как следствие, неудовлетворительным результатам. Из-за этого часто возникали проблемы с трудоустройством.

Тем не менее, несмотря на вышесказанное, ряд благодарственных писем бывших детдомовцев в адрес областной Детской комиссии по случаю 15-летнего юбилея её деятельности свидетельствовал о не пропавших даром усилиях государства, позволивших части лишённых родительской опеки детей получить путёвку в жизнь.

В **заключении** диссертационного исследования подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации:

1. Из опыта борьбы с детской беспризорностью в Воронежской губернии в 1920-е годы // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2020. – Т. 289, № 4. – С. 147–152. (в соавторстве с Т.В. Филоненко).

2. Проблема детской беспризорности и подростковой преступности на территории Воронежской губернии в 1920–1930-е гг.: истоки и поиски путей преодоления // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2021. – Т. 293, № 4. – С. 154–162.

3. Местный аппарат Детской комиссии по улучшению жизни детей в 1920-е годы: история формирования и основные направления деятельности (на примере Воронежской губернии) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2022. – № 4. – С. 55–60.

4. Основные направления социализации воспитанников детских учреждений Воронежской области в 1930-е гг. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 135–145. (в соавторстве с Т.В. Филоненко).

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях:

5. «Нужны новые методы в работе...»: дискуссия о путях преодоления детской преступности в Воронежской губернии в середине 1920-х годов // Общество и власть в контексте истории, политологии, социологии : материалы Пятнадцатой региональной научной конференции (г. Воронеж, 9 февраля 2021 г.) / под общ. ред. В. Н. Глазьева. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2021. – С. 158–161.

6. Эволюция государственной системы по борьбе с детской беспризорностью и подростковой преступностью на территории Воронежской губернии в 1920–1930-е гг. // Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России : материалы Всероссийского научно-практического форума (г. Воронеж, 10–22 апреля 2021 г.) – Воронеж : Издательство ВГПУ, 2021. – С. 78–82.

7. К вопросу об эволюции понятия «социальная опека» в большевистской практике преодоления беспризорности: региональный аспект // Власть и общество в прошлом и настоящем : материалы Шестнадцатой региональной научной конференции (Воронеж, 3 февраля 2022 г.) / под общ. ред. В.Н. Глазьева. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2022. – С. 132–137.

8. О некоторых аспектах деятельности правоохранительных органов по борьбе с беспризорностью и подростковой преступностью на территории Воронежской губернии (области) в 1920–1930-х гг. // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и методики их преподавания : материалы Всероссийского научно-практического форума (г. Воронеж, 11–23 апреля 2022 г.). – Воронеж : Издательство ВГПУ, 2022. – С. 194–197.